

УДК 39

О.М. Ворожищева

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КИТАЕ

Дается этнокультурная характеристика корейской диаспоры Китая. Кроме того, выделяются основные социокультурные особенности корейской общины, проживающей в КНР. Также описывается процесс трансформации корейского населения Китая в ходе адаптации и интеграции в принимающее общество и связанные с этим проблемы, главной из которых является вопрос сохранения этнической идентичности корейцев.

Ключевые слова: корейская диаспора, этнокультурная характеристика.

В настоящее время корейская диаспора КНР является одной из самых многочисленных среди корейских общин мира и насчитывает около 2 000 000 человек. Корейская диаспора Китая в отличие от этнических корейцев в других странах смогла сохранить традиционную культуру и особенности. Тем не менее с момента формирования общины корейцам пришлось пройти долгий путь адаптации и интеграции в китайское общество.

Переселение корейцев на территорию Китая началось в 1850-х гг., когда цинскому Китаю пришлось отказаться от политики «закрытости» и в Маньчжурию наряду с жителями соседних китайских провинций стали прибывать корейцы. Увеличивающееся количество корейских иммигрантов привело к тому, что Китай, подчеркивая вассальную зависимость династии Чосон, издал в 1887 г. указ о подчинении корейских крестьян, проживавших в пределах ее империи, китайским законам.

Район Маньчжурии, где в основном проживали корейские переселенцы, позднее получил название Цзяндао (кор. Кандо). Основными видами деятельности корейцев в этом регионе были земледелие, охота, сбор женьшеня, в поймах рек добыча жемчуга, рубка и сплав леса. На прежде заболоченных землях корейцы, соорудив дренажные и ирригационные системы, стали выращивать различные сельскохозяйственные культуры. Именно им принадлежит приоритет в освоении поливного рисоводства в Маньчжурии.

Ханьцы сдавали свои земли в аренду вновь прибывшим и еще не получившим китайского подданства корейцам. Арендаторам обычно давали 3 года для культивации целинного участка и приведения его в плодородное состояние, а по истечении этого срока они должны были вносить землевладельцам довольно умеренную арендную плату, так как в малозаселенной Маньчжурии ощущался острый дефицит рабочей силы [1]. Это обстоятельство способствовало оседанию корей-

цев в Маньчжурии, так как условия жизни и труда были вполне приемлемыми.

К началу Японо-китайской войны 1894–1895 гг. официально вопрос о правовом положении корейских переселенцев в Китае оставался открытым. Это было связано с нестабильным положением Кореи в отношениях с цинским Китаем и Японией. После подписания в 1895 г. Симонского договора, в соответствии с которым Япония добилась уничтожения вассальной зависимости Кореи от Китая, миграция корейцев в приграничные районы Маньчжурии фактически была запрещена. Тем не менее переселение корейцев в Китай продолжалось, пусть уже и нелегально, а корейское население в регионе увеличивалось.

Вопрос о статусе корейских иммигрантов обострился после Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда Япония, установив режим протектората над династией Чосон, использовала присутствие корейцев в Цзяндао как один из оправдывающих факторов ее агрессивного проникновения в Маньчжурию. Япония стала выдвигать предложения, в связи с подавляющим большинством корейского населения в районе, считать его территорией Кореи, а, соответственно, Япония могла беспрепятственно осуществлять свой контроль над данной территорией.

В результате аннексии Кореи в 1910 г. японское правительство официально заявило, что все корейцы в Китае являются субъектами Японии. Корейцы использовались в качестве удобного инструмента для усиления японского влияния, в Маньчжурии. Китайское правительство, в свою очередь, мотивировало корейских иммигрантов к натурализации [1]. В результате корейцы оказались между молотом и наковальней, что только усиливало неустойчивое положение корейского населения Маньчжурии в вопросе правового положения.

После 1910 г. корейская миграция в Маньчжурию резко увеличилась. Большая часть таких пе-

реселенцев были крестьянами, вынужденными эмигрировать из Кореи по экономическим причинам. Но немало корейцев уходило в Китай по политическим соображениям, разворачивая на его территории антияпонское национально-освободительное движение, формируя партизанские отряды и даже корейское правительство в изгнании [2. С. 257]. В Маньчжурии были сформированы несколько корейских военных подразделений для проведения операций против японской армии, полиции и корейских коллаборационистов.

подавляющее большинство переселенцев были безземельными крестьянами, зачастую они селились за пределами городских поселений и занимались сельским хозяйством. Численность корейцев-земледельцев в регионе составляла более 90% иммигрантов из Кореи. Тем не менее преобладающая масса корейцев в Маньчжурии являлись арендаторами земельных участков у китайских крестьян, а другие работали у них в качестве поденных рабочих. Из общего числа переселившихся в Маньчжурию корейцев лишь некоторые оседали в городах, занимаясь преимущественно мелкой торговлей. Корейских промышленных рабочих и батраков в Маньчжурии, по оценкам корейской периодической печати, насчитывалось около 10–15 тыс. чел., большинство из которых были либо поденными рабочими, либо горнорабочими.

1920-е гг. были особенно тяжелыми для корейской диаспоры Китая. Это был период беспрецедентных гонений со стороны как японских, так и китайских властей. Правовой основой для преследования корейцев послужили два японо-китайских секретных соглашения. Это – «Двустороннее соглашение о контроле над корейцами» (11 июня 1925 г.) и «Правила осуществления контроля над корейцами» (8 июля 1925 г.). Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными [3. С. 38]. Для китайской же администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы планировали использовать в качестве орудия колониальной политики, поэтому вслед за заключением соглашений под предлогом борьбы с антияпонским движением начались репрессии. Кроме того, корейцы страдали от произвольно назначаемых налогов, экономической эксплуатации, вооруженного бандитизма, физических расправ и т.п. Китайские компрадорские помещичьи круги вступали в союз с японскими колонизаторами для борьбы против освободительного движения среди корейского населения.

Что касается вопроса школьного образования проживавших на территории Китая этнических корейцев, то с момента начала формирования корейской диаспоры в Китае он был одним из главных в жизни корейского населения региона. Историю становления образовательной системы корейской диаспоры в Китае в XIX – начале XX в. принято разделять на три больших этапа: первый – с конца XIX в. до 1905 г., второй – с 1906 г. до 1920 г. и третий – с 1920 г. до середины 1930-х гг. [4. Р. 82–83].

На первом, так называемом этапе школьного образования старого типа, единственными образовательными учреждениями на территории корейских поселений были начальные школы. После 1906 г. школьное образование подверглось модернизации, но наибольшее развитие корейское этническое образование достигло в последний период, когда появились образовательные учреждения нового типа, кроме того, на территории корейских поселений открыли частные корейские школы. Во времена антияпонского движения корейские школы стали распространяться не только в районах компактного проживания корейцев, но и в местах скопления политических диссидентов из Кореи [4. Р. 85].

В корейских школах был стандартный набор предметов, входивших в образовательную программу: основные китайские иероглифы, письмо, чтение, основы истории, родной язык и т.д. Дети в таких школах обычно начинали учиться с 14–15 лет, но были и младше – 6–7 лет, и более старшие ученики – 20–25 лет. После 1906 г. поселковые школы стали модернизироваться, что выражалось не только в увеличении количества преподаваемых предметов, среди которых появились география, китайская литература, арифметика, но и в уровне самих учителей, которые владели более широким спектром знаний по новым предметам. К 1914 г. в Китае существовало 116 общественных школ, 34 из которых были модернизированными, к 1923 г. таких школ стало уже 46, а в 1929 г. – более 70 [4. Р. 90].

Особенностью 1920-х гг. была активизация антияпонского движения в Китае, поэтому в этот период наряду с частными школами стали появляться военные школы. Кроме того, в период с 1910 по 1930 г. на территории Китая было открыто 89 частных религиозных школ, в основном христианской направленности. Учитывая, что корейские школы были тесно связаны с националистическим движением борьбы за независимость, японские колонизаторы стремились противопос-

тавить им школы, управляемые японцами и снабжаемые учебниками определенного содержания.

В период после образования марионеточного государства Манчжоу-го корейцы, за исключением тех, кто участвовал в антияпонском движении, оказались в более-менее комфортных условиях. Согласно японо-маньчжурскому договору от 1932 г. корейцы как субъекты Японии получили право проживания и приобретения земли в частную собственность в любой части Маньчжурии. Кроме того, японцы выделяли немалые деньги на поддержку корейских поселений, так как в дальнейшем с их помощью рассчитывали освоить новые земли и продвинуться вглубь Китая [5. Р. 52]. Со своей стороны корейское население становилось все более заинтересованным в сохранении японского контроля, который предоставлял им определенные привилегии.

После окончания Второй мировой войны и поражения Японии китайским корейцам предоставили право выбора: либо остаться в Китае, либо вернуться на историческую родину. Более 1 000 000 этнических корейцев выбрали первый вариант. В последующие годы гражданской войны корейцы, подавляющее большинство из которых были крестьянами, поддерживали КПК, которая пропагандировала очень лояльную политику по отношению к национальным меньшинствам Китая. Так, в первую очередь, представителям национальных меньшинств давались специальные права для защиты их интересов. Во-вторых, коммунистическая партия одобрила создание национальных автономий на территории государства. И, наконец, коммунистическая партия выделяла немалые субсидии на поддержку и развитие национальных автономий.

Жизнь корейской диаспоры изменилась в лучшую сторону, когда в 1952 г. в составе КНР на территории провинции Цзилинь был образован Яньбянь-Корейский автономный округ (кор. Ёнбён или Ёнбён). Кроме того, на территории этой же провинции в 1958 г. по решению Госсовета КНР появился Чанбай-Корейский автономный уезд и еще 42 корейских автономных поселения. Большая часть этнических корейцев (68%) в тот период жили на территории провинции Цзилинь, еще 20% – в провинции Хэйлунцзян и 10% – в провинции Ляонин [6. Р. С62].

Яньбянь-Корейский автономный округ занимал ¼ часть провинции Цзилинь и включал в себя 2 города и 6 уездов. 60% населения автономного округа составляли этнические корейцы. Город Яньцзи стал административным центром автономии, где располагались местные органы власти и штаб компартии КНР. С 1949 г. в Яньцзи действо-

вал Яньбяньский университет, преподавание в котором велось на корейском языке, кроме того, в городе находились другие университеты провинциального уровня и 3 колледжа. В Яньбяне существовали два издательских дома, телерадиовещательная компания, национальный корейский театр, музей и другие учреждения [6. Р. С65].

Корейская диаспора выделялась из общей массы китайского населения. Прежде всего, корейские поселения можно было легко отличить по своеобразной архитектуре, форме крыш и цветовой гамме. Кроме того, разница в предпочтениях в кухне и одежде также была значительной. Еще одной важной особенностью корейской диаспоры в Китае было и остается отношение к нормам брака и семейным отношениям. Этнические корейцы практически полностью отвергают возможность смешанных браков с ханьцами либо с представителями других этнических групп Китая. Помимо этого, крайне редки случаи дружеских отношений между корейцами и ханьцами [6. С. 26]. Все это обусловлено, прежде всего, историческим опытом корейских иммигрантов в Китае, которые были вынуждены жить в относительно небольшом изолированном этническом обществе.

Как раньше, так и теперь китайские корейцы постоянно подчеркивают свое отличие от ханьцев во всех сферах повседневной жизни. Они чтят большинство традиций, образ жизни и идеи, отличающиеся от общепринятых китайских, а также противопоставляют себя остальному обществу Китая. Хотя примечателен тот факт, что если изначально корейцы позиционировали себя выше ханьцев, то после стремительного экономического роста и закрепления Китая на лидирующих мировых позициях, появилась тенденция к принятию подчиненной роли в китайском обществе. Но несмотря на это, корейцы продолжают отделять свою этническую группу от остального Китая. Помимо разделения на «мы и они» в отношении этнических корейцев и остального населения Китая, вплоть до 1970-х гг. корейские поселения отличались и друг от друга. Чаще всего это зависело от места происхождения жителей, населенные пункты формировались выходцами из одних провинций и районов. Кроме того, по причине относительной географической изолированности Маньчжурии корейские поселки также часто вели довольно замкнутый образ жизни.

Что касается социально-экономического положения корейцев, то здесь ситуация была вполне благоприятной. Этнические корейцы преимущественно были заняты в сельском хозяйстве. В основном это была отрасль заливного рисоводства, и,

так как рис был высоко востребован в стране, корейцы получали неплохой доход, поэтому их уровень жизни был довольно высок по сравнению с другими сельскохозяйственными районами КНР, хотя до городского населения им было далеко.

Другой особенностью корейского населения Китая был высокий уровень образования молодежи. В соответствии с конфуцианскими канонами, по которым образование играет важную роль, родители стремились отдать ребенка в учебное заведение. Поэтому среднее количество корейцев, закончивших колледж, составляло 19,6 на каждую тысячу человек, что было в 3 раза выше соответствующих показателей образования по стране [7. Р. 110]. Одни корейцы смогли построить научную карьеру, а другие даже работали в управленческом аппарате.

Что касается роли мужчины и женщины, то здесь также долгое время существовало четкое разделение, мужчины считались ленивыми и ненадежными, в то время как женщины сильными и работающими. Мужчинам полагалось держать марку, поэтому они не могли позволить себе работу с низким социальным статусом. В то же время этнические корейки следили за хозяйством и не гнушались любой работы, что в определенной степени помогло им лучше адаптироваться к окружающим условиям и изменениям в китайском обществе и экономике. В результате началась миграция корейских женщин в большие индустриальные города. Но в то же время это создало определенные семейные проблемы такие, как недостаток родительского внимания, рост числа разводов и уход из семьи (женщин).

Положение корейской диаспоры в КНР в послевоенный период 1980–1990-х гг. было отмечено, прежде всего, высокой мобильностью населения, многие корейцы из сельских районов устремились в города. Те, кто к этому моменту успел накопить минимальный капитал, открывали свой мелкий бизнес, в основном связанный с национальной кухней, а те, кто не имел такой возможности, становились чернорабочими.

Следующий этап был связан с установлением в 1992 г. дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей, после чего в КНР стали прибывать южнокорейские инвесторы, студенты и туристы, а китайские корейцы, соответственно, получили возможность поехать в Республику Корея. Но после поездки в Южную Корею представители корейской диаспоры Китая, понимая, что уровень жизни там намного выше, пытались всеми правдами и неправдами задержаться на исторической родине, поэтому количество нелегальных

корейцев из Китая в Южной Корее было довольно высоким. Так, по южнокорейским данным, к 2002 г. на территории Республики Корея проживало 116 000 китайских корейцев, из них 76 000 нелегально [7. Р. 119].

Перемещение корейского населения внутри КНР было напрямую связано с их экономической деятельностью, и здесь можно говорить, по крайней мере, о двух основных направлениях. Первое – это мелкий и средний частный бизнес, когда корейцы, организовав свое небольшое предприятие, нанимают работников из числа представителей корейской диаспоры. В основном это был сектор сферы услуг, ресторанный бизнес, туризм, ночные клубы и мотели. Позднее, в силу постоянных контактов с южнокорейскими бизнесменами, сюда прибавились организации, ориентированные на информационные технологии и риэлторские агентства.

Второе направление деятельности этнических корейцев на территории Китая – это работа в представительствах южнокорейских предприятий в КНР. В этой области представители корейской диаспоры часто трудятся в качестве переводчиков, обычных рабочих или даже бизнес-партнеров. В основном южнокорейские инвестиции идут в сферу услуг или производства. Здесь же можно выделить тех этнических корейцев, которые выступают посредниками между Республикой Корея и КНР, иногда эта деятельность весьма успешна. Но и здесь существуют свои подводные камни. Так, зачастую встает проблема неоправданных ожиданий как со стороны южнокорейской стороны, так и со стороны самих китайских корейцев. Первые хотят получить высококвалифицированных работников, отлично знающих как китайский и корейский языки, так и китайское законодательство. С другой стороны, представители корейской диаспоры хотят получить заработок, эквивалентный заработной плате южнокорейского рабочего, что также не представляется возможным. Кроме того, крупные корейские организации в последнее время все чаще нанимают китайцев, чтобы заслужить расположение местных властей и обойти бюрократические препятствия [7. Р. 127]. Таким образом, не всегда сотрудничество южнокорейских компаний и этнических корейцев в Китае выгодно для обеих сторон.

Развитие Китая и ускорение всех процессов внутри страны не могли не отразиться на корейском населении. Прежде всего, это касается вопроса сохранения этнической идентичности корейцев. Несмотря на политику Китая в отношении национальных меньшинств, в корейском обществе

все же наблюдаются тенденции маргинализации. С одной стороны, они являются этническими корейцами, а с другой – гражданами КНР, что накладывает большой отпечаток на их жизнь, и это нельзя не брать во внимание. Если раньше большинство китайских корейцев были работниками сельскохозяйственной сферы и проживали в компактных поселениях, где была возможность поддерживать национальный язык и культуру, то теперь все больше молодых людей устремляются в большие города, где они осознают, что здесь им уже не обойтись без китайского языка и следования китайскому образу жизни. Поэтому в последнее время все больше родителей задумываются, прежде чем отдать ребенка в школу, что будет лучше для них – корейское или китайское образовательное учреждение [8. Р. 8].

Еще одним вызовом для корейской диаспоры стало налаживание связей с Южной Кореей, когда, с одной стороны, у них появились новые возможности, а с другой, они осознали, что как на самом Корейском полуострове их никто не ждет, так и в Китае зачастую они нужны Республике Корея только в качестве посредников. Поэтому энтузиазма в вопросе сохранения этнической культуры становится все меньше, так как, живя в Китае, надо соответствовать стране и отвечать на вызовы современности.

Можно отметить, что положение корейского населения в КНР в целом довольно благоприятное, так как в отличие от других стран проживания у них есть своя национальная автономия, где они могут поддерживать свой язык, культуру и образование. В то же время корейская диаспора, хотя и является довольно многочисленной, все же

остается национальным меньшинством, поэтому в свете постоянно меняющихся условий в стране она уже не может оставаться изолированной от остального Китая и вынуждена трансформироваться и подстраиваться под общий ритм. Пока не понятно, каким же будет будущее этнической культуры китайских корейцев – смогут ли они сохранить ее или растворятся в общей массе китайского населения. Тем не менее пока им это удается, и именно поэтому, помимо большой численности, они выделяются среди корейского населения других стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая: Вторая половина XIX в. – 1945 г. Переселение в Маньчжурию и Китай / «Заграница» Корейцы: корееведение. Электрон. текст. дан [Электронный ресурс]. [Б.м.], 2004. Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/kkk5.shtml, свободный.
2. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2009. 626 с.
3. Гайкин В.А. Корейская диаспора Маньчжурии в колониальных планах Японии (1910–1931 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4. С. 37–43.
4. Чхон Сусан. Чосончжок ёксаый сэтамгу. 2 гвон (Три исследования истории корейской диаспоры в Китае) // Синсончхульпанса. 2005. Т. 2. 276 р.
5. Chang Edward Taehan. Korean Migration to Northeast China (Manchuria) 1869–1945 // The Korean Diaspora in China: Ethnicity, Identity and Change. 2001. Vol.12. P. 42–61.
6. Hesung Chun Koh. Korean Diaspora: Central Asia, North-east Asia & North America. / Published by East Rock Institute, 2008. 514 p.
7. Kim Si-joong. The Economic Status and Role of Ethnic Koreans in China. The Korean Diaspora in the World Economy // Institute for International Economics. 2003. P. 101–131.
8. Kwon Tai-Hwan. International Immigration of Koreans and the Korean Community in China // Korea Journal of Population and Development. 1997. Vol. 26, № 1. P. 1–18.